

На правах рукописи

Семенова Наталья Владимировна

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА ИНВЕКТИВНОГО СЛОВА

Специальность 10.02.19 – Теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Москва – 2008

Работа выполнена на кафедре общего и сравнительного языкознания Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский государственный лингвистический университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Вера Анатольевна Пищальникова

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Неля Владимировна Романовская

кандидат филологических наук, доцент
Илья Викторович Шишканов

Ведущая организация: Московский городской педагогический
университет

Защита состоится « 21 » апреля 2008 г. в 13.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.135.02 при ГОУ ВПО «Московский государственный лингвистический университет» по адресу: 119 034, Москва, ГСП-2. ул. Остоженка 38.

С диссертацией можно ознакомиться в диссертационном читальном зале библиотеки ГОУ ВПО «Московский государственный лингвистический университет»

Афтореферат разослан « 19 » марта 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

В.С. Страхова

Общая характеристика работы

В реферируемом диссертационном исследовании осуществляется экспериментальный анализ инвективной лексики с целью получения объективного материала для определения характера использования такой лексики и ее лингвистической диагностики.

Актуальность диссертации определяется, во-первых, важностью выработки научных принципов выделения оскорбительной лексики и установления критериев степени оскорбительности инвективной лексики. Во-вторых, актуальность работы обусловлена «социальным заказом» современной российской лингвокультурной общности – необходимостью создания инструмента для определения степени инвективности речевого произведения в судебной практике по рассмотрению исков об оскорблении чести и достоинства личности. В-третьих, создание основ лингвистической диагностики вербального оскорбления вообще и инвективы в частности позволит создать аргументированную систему социального регулирования использования названной лексики.

Объектом настоящего исследования является семантическая структура инвективной лексики как составной части эмоциональной лексики, фиксирующей негативные эмоции.

Предмет исследования – способы проявления инвективности в речевой деятельности.

Целью реферируемой диссертации является теоретическое обоснование и экспериментальная аргументация возможности лингвистической диагностики инвективы.

Для достижения поставленной цели решены следующие **задачи**:

1. определены основные признаки инвективы, а также принципы систематизации инвективной лексики в научной литературе;
2. определены существенные параметры инвективной лексики;

3. определены принципы употребления стилистических помет в толковых словарях с целью обнаружения параметров эмоционально-оценочной лексики (ЭОЛ) и, в частности, инвективной;
4. исследованы возможности определения степени инвективности по словарям ненормативной лексики;
5. исследован научный контекст проблем, связанных с определением сущности понятий эмоция, экспрессивность, ЭОЛ;
6. определены основания дифференциации инвективы и инвективного речевого акта, созданы рабочие определения для перечисленных понятий;
7. разработана оценочная шкала для экспериментального исследования инвективной эмоциональной лексики;
8. установлены способы определения мотива речевой деятельности через эмоцию, выраженную инвективной лексикой;
9. определены условия перехода нейтральных лексических единиц в оскорбительные;
10. создан алгоритм анализа инвективной лексики с целью диагностирования инвективного намерения индивида.

Материалом для исследования послужили данные, полученные с помощью методов субъективного шкалирования и компонентного анализа, а также ассоциативные поля инвективных слов, полученные при проведении свободного ассоциативного эксперимента (АЭ), и экспериментальные инвективные диалоги. В работе исследуются лексические единицы, имеющие эмоциональные стилистические пометы (СП) с общим значением неодобрения в в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» АН СССР, в словаре АBBYU Lingvo-12, в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, в «Русском толковом словаре» В.В. Лопатина и Л.Е. Лопатиной, в «Словаре русского языка в 4-х томах» под редакцией А.П. Евгеньевой, в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова.

Основными принципами отбора лексических единиц для исследования являются:

1. стилистический. Он устанавливает принадлежность слова к разряду ЭОЛ, имеющей пометы *неодобр.*, или *презр.*, или *бран.* в толковых словарях.
2. Семантический. По этому критерию к инвективной лексике относятся слова, представляющие зоосемантические метафоры, содержащие негативные оценки адресата речи, а также номинации лица, обозначающие негативную с точки зрения интересов общества деятельность или поведение кого-либо.
3. Морфологический. В работе рассматриваются только инвективы-существительные.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней впервые:

- 1) устанавливаются параметры отнесения ЭОЛ к инвективной;
- 2) разрабатывается научное определение инвективного речевого акта;
- 3) рассматривается презентация инвективы как обнаружения скрытых мотивов оскорбления;
- 4) подробно исследуются способы представления ведущего мотива в оскорбительной речевой деятельности;
- 5) определяются условия инвективизации лексики и основания для ее диагностики.

Теоретическая значимость диссертации состоит в описании специфики инвективной лексики как определенной части эмоциональной лексики, что вносит вклад в разработку коммуникативно-прагматического направления теории речевого общения, а также в выявлении и объяснении взаимодействия некоторых психологических и социолингвистических факторов при интерпретации различных типов речевых актов, что вносит вклад в развитие общей теории коммуникации.

Практическая ценность предпринятого исследования определяется возможностью использования результатов работы в лексикографической практике, в учебных курсах по лексикологии, культуре речи, стилистике,

социолингвистике, языку средств массовых коммуникаций, а также в вербальной юридической экспертизе текстов по делам о защите чести и достоинства личности.

Теоретико-методологической базой исследования является деятельностная концепция анализа реалий действительности, представленная в теории речевой деятельности (А.А. Леонтьев), а также концепции отечественных и зарубежных исследователей, посвященные изучению ЭОЛ (Ю.Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, В.К. Вилюнас, Н.А. Лукьянова, В.Н. Телия, В.Н. Цоллер, Д.Н. Шмелев и др.) и инвективной лексики (Н.Д. Голев, В.Н. Жельвис, А.К. Симонов и др.).

В работе использованы следующие лингвистические **методы** и приемы: 1) ассоциативный эксперимент; 2) прием субъективного шкалирования; 3) элементы метода компонентного анализа значения слова; 4) методика восстановления пропущенного слова в тексте.

Достоверность и **обоснованность** полученных результатов и выводов обеспечиваются применением комплекса научно апробированных экспериментальных методов исследования, а также объемом исследуемого экспериментального материала (150 анкет ассоциативного эксперимента, 150 анкет семантического шкалирования, 150 анкет, связанных с восстановлением пропусков в инвективных диалогах), а также данные лексикографических источников.

Апробация работы. Тема диссертационного исследования разрабатывалась в соответствии с планом научно-исследовательской работы Московского государственного лингвистического университета. Основные разделы и наиболее значимые положения диссертации были представлены на заседаниях кафедры общего и сравнительного языкознания МГЛУ, на межвузовском методологическом семинаре в МГПУ, а также на следующих научных конференциях: Всероссийский научно-методический симпозиум «Перспективы развития межрегионального образовательного пространства на базе гуманитарных кафедр российских университетов» (Алтайский

государственный университет, 2003); Научные чтения, посвященные памяти Ф.М. Березина (ИНИОН РАН, МГЛУ, 2005, 2006, 2006, 2007, 2008), XV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации (Институт языкознания РАН, 2006), школа-семинар по психолингвистике и когнитологии (МГЛУ, ИНИОН РАН, Институт философии РАН, 2007).

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Картина стилистической дифференциации ЭОЛ в исследованных группах реципиентов существенно отлична от выстроенной лингвистами на основе детального описания стилистического значения различных типов эмоционально-оценочных слов.

2. Соотношение структурообразующих принципов диалога (мотив, личностный смысл, эмоция) является основанием для определения наличия/отсутствия вербального оскорбления.

3. Вербальное оскорбление имеет место тогда, когда нарушаются этико-языковые оценки, а не языковые нормы.

4. Слово инвективно, если реализуются необходимые условия инвективной коммуникативной ситуации (КС), а именно: оскорбительный мотив, отрицательная эмоция, негативный актуальный личностный смысл, нарушение поведенческих социальных норм.

5. Мотив речевого произведения является одним из факторов определения наличия/отсутствия оскорбления.

Цель и задачи исследования обусловили **структуру** работы, состоящей из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, трех приложений.

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертации, ее научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность, формулируются объект и предмет исследования, определяются цель, задачи и методы, представляется структура работы.

В **первой главе «Основные тенденции исследования инвективной лексики»** обозначены тенденции исследования эмоционально-оценочной

лексики, даны рабочие определения ряда используемых понятий (инвектива, эмоциональность, экспрессивность и др.), составлена общая классификация ненормативной лексики на базе исследований, имеющихся по данной теме.

Вторая глава «Мотивационная актуальность инвективной лексики» – экспериментальная, выполненная на материале свободного ассоциативного эксперимента, результаты которого верифицируются методом субъективного шкалирования и компонентного анализа. В главе представлена оригинальная методика интерпретации ассоциативных полей с целью установления степени инвективности лексики.

В третьей главе «**Экспериментальное исследование параметров инвективизации лексики**» описывается проведенная серия экспериментов, представлен подробный анализ трансформации инвективных диалогов. Употребление инвективы объясняется через экстралингвистические параметры коммуникативной ситуации: социокультурные и психологические. Предлагается алгоритм интерпретации инвективной лексики.

В **заключении** подводятся основные итоги работы и намечаются некоторые перспективы дальнейшего изучения исследуемой проблемы. Результат исследования – создание определенной схемы лингвистической диагностики определения инвективного слова.

В **приложении** приведены образцы анкет, предложенных испытуемым на всех этапах эксперимента.

Содержание и основные результаты исследования

В *первом параграфе* главы *первой* инвективное слово квалифицируется как языковая единица, обладающая экспрессивностью, эмоциональностью, оценочностью, что позволяет отнести инвективную лексику к эмоционально-оценочной и эмоционально-экспрессивной лексике.

Традиционное изучение ЭОЛ осуществляется с использованием категории экспрессивности. В современном языкознании проблема экспрессивности осознается как кардинальная, но остается «одной из наиболее зыбких, неопределенных областей исследования, так как распределяется между стилистикой, семантикой и прагматикой речи» [Телия 1991, с. 7]. Одним из следствий этого является неупорядоченность стилистических помет в современных словарях и несовершенство самих стилистических терминов, недостаточно четко определенных, отражающих субъективность стилистических оценок.

Все лингвисты подчеркивают, что экспрессивность – явление лингвистическое, но способы его обнаружения выходят за рамки системно-структурной лингвистики, так как экспрессивность связана с психологическим воздействием: «В зависимости от того, какое чувство – позитивное или негативное – испытывает субъект речи по отношению к обозначаемому, лексические единицы, выражающие эмоциональную оценку субъекта, наделяются положительной или отрицательной экспрессией» [Телия 1991, с. 27]. Об этом же говорит В.И. Жельвис, рассматривая категорию экспрессивности как способ разграничения оскорбления и использования инвективной лексики в качестве средства выражения эмоций. Инвективная лексика рассматривается им как оскорбляющая собеседника и одновременно негативно характеризующая говорящего, в связи с чем в общественном мнении она, по мнению исследователя, подлежит исключению из публичного употребления.

На возникновение экспрессивности как характеристики речевого элемента влияют свойства КС: намерения говорящего/пишущего, исходные знания и представления, с которыми он вступает в коммуникацию, а также лингвистический и экстралингвистический контекст коммуникативного речевого акта.

Во *втором параграфе* первой главы с целью установления единых критериев определения степени инвективности слов рассмотрены

существующие в науке классификации ненормативной лексики русского языка. В результате исследования такой лексики выделены основания для систематизации: ономаσιологическое, функционально-тематическое и эмоционально-экспрессивное.

Ономаσιологическая и функционально-тематическая классификации ненормативной лексики не раскрывают сущностных свойств инвективного слова. Эмоционально-экспрессивная классификация А.К. Симонова тоже не выявляет параметров инвективного слова, но она ценна тем, что позволяет определить мотив речевой деятельности говорящего по эмоционально-экспрессивной окраске слова. Таким образом, мотив может рассматриваться как одно из оснований распределения инвективной лексики на группы по степени инвективности. В этой главе высказано предположение, что основными «параметрами инвективности» являются мотив употребления и степень экспрессивности инвективного слова. Гипотеза проверяется в экспериментальной части исследования. Выделенные параметры инвективности позволяют дать рабочее определение инвективы как экспрессивного слова, выражающего значение неодобрения и выполняющего функцию оскорбления слушающего.

В **третьем параграфе** проводится сравнительный анализ помет, указывающих на эмоциональную окраску слов в толковых словарях русского литературного языка. Цель анализа – установить принципы употребления помет.

Исследование лексикографических источников показало, что признаки ЭОЛ, в частности инвективной лексики, выражаются с помощью стилистических помет непоследовательно. Эти признаки подвижны и изменчивы. Пометы, обозначающие отрицательную оценку чего-либо, кого-либо, не различаются по степени «негативности».

Количество стилистических помет в толковых словарях разных авторов не совпадает, в представленных классификациях нет единства основания выделения помет разного характера. Все это позволяет сделать вывод о том, что

стилистические пометы, не регулярно и не систематизированно выражающие эмоциональную окраску, не являются достаточным критерием для определения инвективности/неинвективности слова.

В четвертом параграфе рассматриваются словари ненормативной лексики с целью установления принципов определения степени инвективности слова.

В словарях А. Флегона «За пределами русского языка», «Русский мат» содержится много грубых слов, отмеченных и в толковых словарях, но отличающихся модификационным значением.

Так, в лексиконе А. Флегона «За пределами русских словарей» [Флегон 2002] в качестве нецензурных представлены такие семантические образования, как *балерина* (сводня, а также циркуль), *берлога* (квартира), *блоха* (язвительная женщина), *бугай* (толстый женолюбивый мужчина). В «Толковом словаре ненормативной лексики русского языка» вне нормы в числе арготизмов и жаргонизмов оказалось множество эмоционально-оценочных слов, широко употребительных в разговорной речи: *пялиться* (тарашить глаза), *мычать* (издавать нечленораздельные звуки), *вырубиться* (отключиться) – все они зафиксированы в 4-томном Академическом словаре под редакцией А.П. Евгеньевой. Словарь «Русский мат» содержит значительное количество грубых слов, не рассматриваемых другими словарями как нецензурные: *кобель* (похотливый мужчина), *холодная* (фригидная) женщина, она же – *деревяшка*, *подзалететь* (забеременеть), *отлить* (пойти в туалет) и другие.

Таким образом, стилистические пометы современных словарей не могут стать надежным основанием определения степени инвективности слова: в них отсутствует стандартное описание стилистической характеристики лексем. Кроме того, экспериментальные исследования, направленные на выявление эмоционального компонента значения лексических единиц, употребление которых связано с определенным стилем русского языка, показывают, что сознание носителей языка содержит картину стилистической дифференциации лексики, отличную от выстроенной лингвистами на основе детального

описания стилистического значения различных типов эмоционально-оценочных слов. Следовательно, проблема СП, оставаясь открытой, не способствует установлению принципов определения инвективности слова.

В **пятом параграфе** рассматривается понятие инвективы, которое отсутствует в словарях лингвистических терминов, справочниках и учебниках, но становится регулярным в специальной литературе. В традиционных толковых словарях sporadически используется помета «бранное», но ее теоретическое содержание не определено. К бранным принято относить слова с «грубой вульгарной экспрессивной оценкой»; большинство бранных слов относится к просторечию и диалектной лексике. Не менее важна и практическая значимость определения инвективной лексики, поскольку обнаружение в слове *инвективного значения* поможет однозначно и точно квалифицировать факт оскорбления.

В работе подчеркнуты психологические свойства инвективы, связанные с ее восприятием как оскорбительного, дискредитирующего, агрессивного, табуированного слова. Эти характеристики инвективы закладываются в определенном звене порождения речевого высказывания – в мотиве речевой деятельности.

Все вышесказанное позволяет нам предложить рабочее определение *инвективы как вербального выражения отношения к субъекту, очевидно и грубо дискредитирующего его.*

В **шестом параграфе** в работе исследуются лексические единицы, имеющие в лексикографических источниках стилистические пометы с общим значением неодобрения.

Основной базой отбора материала исследования явилась классификация инвективной лексики А.К. Симонова, в основании которой заложен лексико-тематический принцип группировки слов.

Материал исследования, представленный в диссертации, ограничен следующими словами: *баран, быдло, ишак, кобель, кобыла, мерзавец, осел, предатель, проститутка, скотина, стерва.*

Во второй главе «Мотивационная актуальность инвективной лексики» представлен анализ основных результатов исследования, полученных АЭ и методом субъективного шкалирования лексики. В главе представлен подробный анализ всех этапов эксперимента и описание его результатов.

Цель *субъективного шкалирования* лексики:

- определить характер оценки испытуемыми слов-стимулов;
- определить степень отрицательной оценки слов-стимулов;
- выявить связь между степенью отрицательной оценочности и степенью инвективности лексики.

Перед испытуемыми ставилась задача – оценить по градуальной шкале от -5 до +5 слова, соотносимые, с их точки зрения, с той или иной степенью положительных или отрицательных эмоций. Принимается условие: если анализируемое слово соотносится с отрицательными эмоциями по шкале инвективности у 80% и более испытуемых, то данное слово обладает высокой степенью инвективности. Учитывая принятое предположение, определены «стабильные инвективы», то есть те лексемы, употребление которых всегда будет инвективным. Если слово-стимул имеет нестабильный характер соотношения с отрицательными эмоциями (в восприятии одних испытуемых слово-стимул вызывает максимально отрицательные эмоции, в восприятии других, наоборот, положительные, а для некоторых остается нейтральным), то степень инвективности этого слова будет низкой/потенциальной. Выдвинутое условие аргументируется экспериментально.

Цель проведения *ассоциативного эксперимента (АЭ)* – смоделировать фрагмент ассоциативного значения слова, поддерживающий/задающий инвективность слова. В качестве экспериментального материала использовались анкеты, включающие вышеперечисленные 11 слов-стимулов из разряда инвективной лексики, и 15 дистракторов в виде произвольно отобранных слов различных частей речи. Испытуемым предлагалось записать первую вербальную ассоциацию, пришедшую на ум сразу после прочтения слов из общего списка.

Использование в диссертации двух видов эксперимента обусловлено необходимостью взаимной верификации результатов эксперимента. Это обеспечивает надежность и достоверность сделанных выводов. С помощью субъективного шкалирования определяется стабильность соотношения инвективной лексики с отрицательными эмоциями. Вывод о стабильном/нестабильном соотношении языковой единицы с негативными эмоциями делается на основании условно принятого количественного параметра. Стабильность соотношения языкового знака и отрицательных эмоций верифицируется результатами АЭ. Данные АЭ позволяют сделать выводы о *содержательной* структуре ассоциативного поля слова. Устанавливаются корреляции между данными АЭ и шкалированием лексики, что позволяет сделать выводы о степени инвективности слова более обоснованными.

В экспериментах приняли участие 150 носителей русского языка – студенты первого курса гуманитарных (психологического, филологического и юридического) факультетов вузов Москвы. Средний возраст испытуемых – 17 – 20 лет. В течение 6 месяцев во всех экспериментах принимала участие контрольная группа. Количество мужчин и женщин в группе одинаково. В рамках данного исследования изучается восприятие инвективной лексики только в молодежной студенческой среде. Ограничение участников эксперимента только одной возрастной группой, конечно, не дает полного представления о степени употребительности инвективной лексики в социуме, и потому результаты работы следует считать предварительными. Вместе с тем намеренное ограничение выбора испытуемых данной группой связано с тем, что студенческая среда представлена разными слоями общества, для которой характерны 1) высокая сензитивная способность, 2) гиперактивность и подвижность, 3) наличие собственной субкультуры, 4) активные креативные языковые процессы.

Для нас важно на данном этапе исследования отработать предварительный алгоритм анализа инвективной лексики, создать принципы ее описания с целью

обнаружения универсальных объективных свойств инвективного слова. В заключении работы акцентировано положение о необходимости участия в экспериментах разных социальных групп.

АЭ и метод субъективного шкалирования показали: 1. чем выше степень эмоциональной негативности слова, тем больше степень его инвективности; чем больше негативных эмоций вызывает слово, тем больше у него инвективных ассоциативных реакций и наоборот. 2. Степень инвективности слов при одинаковом количестве положительных и отрицательных эмоций устанавливается на основании определенного смыслового компонента, обнаруженного в результате проведения АЭ, а также дополнительно верифицированного с помощью компонентного анализа. 3. Анализируемые слова были разделены на три группы в зависимости от степени инвективности, установленной экспериментально. 4. Обнаружено расхождение эмоциональной оценки слов в лексикографических источниках и в восприятии реципиентов.

В результате исследования создана классификация инвективной лексики. Основанием для выделения групп инвективной лексики является степень их инвективности, которая определяется экспериментально. Исследуемые в диссертационной работе 11 слов разделены на 3 группы по степени инвективности. Основным принципом определения инвективности является эмоциональная оценка слова. Используя постулат Н.С. Бернштейна о том, что эмоция – это скрытая реализация мотива, в АЭ и семантическом шкалировании мы устанавливаем отношения между эмоциональным компонентом слова и мотивом.

В результате обработки экспериментов к группе слов с максимальной степенью инвективности отнесены лексемы *мерзавец* (94 % отрицательных эмоций по результатам АЭ и 97 % отрицательных эмоций по шкале экспрессивности), *быдло* (58 % отрицательных эмоций по результатам АЭ и 89 % отрицательных эмоций по шкале экспрессивности). Эти слова являются «стабильными инвективами», то есть их употребление при любых условиях в КС считается оскорбительным.

Во вторую группу слов высокой степени инвективности включены лексемы *проститутка* (76% и 58% отрицательных эмоций), *стерва* (75% и 94% отрицательных эмоций). Данные слова имеют высокую степень инвективности, однако, как показывают результаты экспериментов, они могут оцениваться в современном обществе положительно и не являться оскорбительными.

Самое большое количество лексем составляет третью группу слов невысокой степени инвективности: *осел* (49% и 42%), *сука* (47% и 43%), *скотина* (44% и 21%), *ишак* (37% и 34%), *баран* (37% и 31%), *кобель* (30% и 32%), *кобыла* (30% и 31%). Данные слова перечислены в порядке уменьшения степени инвективности. Количество отрицательных эмоций у данных слов распределяется в диапазоне от 30% до 50%. Результаты экспериментов семантического шкалирования и АЭ по слову *кобыла* представлены на рис. 1 и рис. 2.

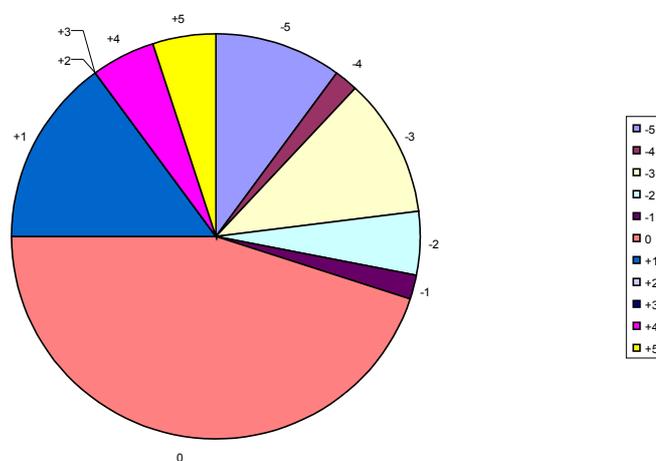

Рис. 1. Распределение эмоций по шкале экспрессивности (слово *кобыла*).

Рис. 1. Распределение эмоций по результатам АЭ (слово *кобыла*).

Экспериментальная часть исследования позволяет установить следующие закономерности.

1. Существует устойчивая связь между отрицательными эмоциями и степенью инвективности: чем негативнее эмоция, тем выше степень инвективности слова.
2. Эмоция является не только способом обнаружения, но и установления характера мотива. На основании данного положения определен мотив оскорбления у слов с максимальной и высокой степенью инвективности (вне речевой деятельности).
3. Частотная реакция, полученная в результате проведения АЭ, выражает психологически актуальный для реципиентов эмоциональный компонент значения слова. Через эмоциональный компонент эксплицируется мотив, на основании характера которого можно делать вывод об инвективности/неинвективности слова.
4. Основные параметры инвективной лексики – отрицательная эмоция и мотив оскорбления.

5. Экспериментально установлено несовпадение оценки анализируемых слов у экспертов и лингвистов. Исследуемым словам в эксперименте приписаны разные ранги, отличные от лингвистических.

Гипотеза, заявленная в теоретической главе, подтверждается полностью для слов первой и второй групп. Если при восприятии слово вызывает негативные эмоции у большинства испытуемых (более 80%), то данное слово можно рассматривать как инвективное. Для слов невысокой степени инвективности определение эмоционального компонента недостаточно, чтобы признать их инвективными. Для определения инвективности этих слов дополнительно необходимо знание мотива их использования.

Чтобы показать, как в речевой деятельности *реализуется* степень инвективности слов, выявленная в первых двух экспериментах, был проведен еще один эксперимент.

Задача **третьей главы «Экспериментальное исследование параметров инвективизации лексики»** – верифицировать степень инвективности слов, установленную в результате метода субъективного шкалирования и АЭ, а также выявить лингвистические и экстралингвистические факторы, существенные для функционирования лексики как инвективной.

Нами проведен еще один эксперимент, который выявляет степень инвективности анализируемых слов и условия, являющиеся значимыми для определения наличия/отсутствия оскорбления. Для этого рассмотрены моделирующие живое речевое общение ситуации, в которых возможно проверить действие социолингвистических (возраст, пол, социальная роль), лингвистических и психологических (мотив, доминантная эмоция) параметров инвективизации лексики.

Материалом данного эксперимента является инвективный дискурс и его модифицированные варианты, которые получены в результате изменения одного из параметров коммуникативной ситуации.

В эксперименте участвовали 150 человек. Реципиентам было предложено задание: вставить вместо точек пропущенные по смыслу слова в 10 контекстах

разного потенциала инвективности. Прием подстановки пропущенного слова в заданный контекст проводится с целью установления параметров инвективизации лексики.

Ответы, полученные от испытуемых, распределяются на 3 группы: 1) инвективные лексемы, выраженные существительными, 2) другие конструкции оскорбительного характера (лексемы других частей речи, кроме существительных; словосочетания, высказывания) 3) неоскорбительные слова.

Например, в моделируемом диалоге между двумя подростками реципиенты заполнили пропуски 95% оскорбительными и 5% неоскорбительными реакциями.

– Э, чувак! А ну слезь! Кому сказал?! Не видишь, моя девчонка еле на ногах стоит!

– А мне наплевать.

– Я больше повторять не буду. Уступи место ...

– Сейчас прям, уже уступил.

– Какой же ... Откуда такие берутся?

Данный текст демонстрирует отношения субъектов, когда каждый из них нарушает установленные общепризнанные социальные нормы. В результате столкновения нормы с ненормой происходит конфликт, который усугубляется мотивом оскорбления.

Большинство испытуемых заполняли пропуски языковыми выражениями, системно принадлежащими к разговорному стилю и имеющими оскорбительную интенцию: *сука* –54, *урод* –22, *сволочь* –16, *падла* –13, *чмо* –11, *дрянь* –8, *наглец* –6, *козел* –6, *скотина* –5, *идиот* –3, *гавнюк* –3, *зараза* –2, *придурак* –2, *бивень* –1, *гад* –1, *мразь* –1, *человече* –1, *шалава* –1, *щенок* –1, *тварь* –1, *кретин* –1, *мозгляк* –1; всего 160 ответов. Перечисленные реакции относятся к первой группе инвективных лексем.

Вторая группа представлена инвективными словосочетаниями и лексемами других частей речи, кроме существительных: *по-доброму* –27, *копец тебе* –22,

эй, ты –9, или зашибу –8, смелый –8, сваливай, пока цел –6, кому сказал –6, убью придурок –6, что не догоняешь –4; всего 96 реакций.

Кроме этого, есть ответы, которые не относятся к оскорблениям (*хлопец –5, с днем рождения –3, соседушка –2, слушай –2, музыкант –1, ты понял –1*; всего 14 реакций) и не поддерживают общий инвективный тон анализируемого дискурса.

Выбор испытуемыми тех или иных реакций объясняется их мотивом: 1) подчеркнуть общий инвективный тон дискурса, 2) выбрать адаптивную модель толерантного поведения, не допускающего в норме конфликтной ситуации или 3) усилить конфликт, проявить больше негативных эмоций.

Данный контекст является иллюстрацией разговорного стиля общения. Основные средства разговорного стиля первого участника коммуникативной ситуации: неформальное обращение «*Э, чувак!*», использование разговорной лексики: *наплевать, чувак*; частицы, оценочные слова и наречия, придающие речи эмоциональность: *ну, еле, же*. Кроме этого, отметим использование повелительных форм глагола, которые обычны для разговорной речи: *слезь, уступи*. Также первый участник коммуникативной ситуации использует дополнительные средства для подчеркивания своего авторитета и привлечения внимания: *кому сказал, не видишь, больше повторять не буду*. Восприятие таких единиц традиционно вызывает негативное отношение к говорящему.

Второй участник коммуникативной ситуации поддерживает разговорный стиль общения. Об этом свидетельствуют синтаксические конструкции неполных предложений: *а мне плевать, сейчас прям, уже уступил*; лексические средства: *наплевать, прям*.

В число общих ответов попали исследуемые нами слова: *скотина, сука*. Частотной реакцией у испытуемых является рассматриваемое нами ранее слово *сука* – 22 %. Результаты проведенных экспериментов сравниваются.

По результатам метода субъективного шкалирования и ассоциативного эксперимента слова *скотина, сука* имеют невысокую степень инвективности.

Слово *сука* в данном дискурсе является более частотным, чем слово *скотина*. Большое число ответов лексемы *сука* объясняется ее расплывчатым значением. Испытуемым важно выразить негативное пренебрежительное отношение. Большинство реципиентов считает, что *сука* – это самое подходящее слово в данной ситуации. Эксперимент подтверждает универсальный характер лексемы *сука*, данная языковая единица применима во многих случаях для выражения негативного отношения без дифференциации по половому признаку. Ослабление лексической связи данного слова с гендерным признаком уменьшает степень его инвективности. Оно приобретает статус слов, основная функция которых – получить эмоциональную разрядку без предварительного намерения оскорбить кого-либо. Расхождение степени инвективности между изолированными словами *сука*, *скотина* и этими же лексемами в контексте не противоречит проведенным экспериментам. В ассоциативном эксперименте и субъективном шкалировании актуализируется мотив испытуемых – определить значение слова, а в инвективном диалоге в первую очередь реализуется мотив оскорбления. Об этом свидетельствуют актуализированные признаки понятийного компонента переносного значения. Все вышесказанное объясняет переход лексем *сука* и *скотина* из разряда слов с невысокой степенью инвективности (в случае отдельного употребления) в разряд единиц высокой степени инвективности (в случае контекстного окружения).

Таким образом, при создании определенных условий обнаружены способы порождения инвективности: 1. называние человека животным, 2. создание доминантного личностного смысла, антонимичного общему содержанию дискурса, 3. называние человека любым словом, которое актуализирует параметры инвективности: а) мотив усиления конфликтной ситуации, б) доминантный личностный смысл, который актуализирует негативные признаки личности, в) наличие общего негативного тона в речевых действиях коммуникантов.

Изменение социолингвистических параметров влияет на ответы испытуемых, но обнаружить определенную тенденцию, влияющую на количество положительных/отрицательных ответов, нельзя. Можно сделать предположительные выводы о том, что возрастная, половая и социальная асимметрия способствуют повышению количества инвективных ответов. Однако ведущим условием, влияющим на характер ответов испытуемых, является наличие или отсутствие мотива оскорбления и нарушения условий успешного речевого общения.

В вариантах, в которых исключается мотив оскорбления, инициатор общения вне зависимости от цели настроен на доброжелательное отношение. Для него важно реализовать свое намерение без употребления оскорбительных слов. 90 % реакций, которые предлагают испытуемые для такого диалога, являются положительными: *пожалуйста* –32, *молодец* –24, *очень* – 23, *хороший* –17, *благовоспитанный юноша* –13, *ангелочек* –11, *мальчик* 8, *поймите* –6, *согласны* –4, *добрый человек* –3, *ненадолго* –2, *интеллигент* –2, *ну так как, малыш* –1; всего 146 реакций.

Все экспериментальные выводы касаются только одной социальной группы (молодежная студенческая среда), которая принимала участие в эксперименте, и не могут быть распространены на все общество. Во всех экспериментах постоянно принимала участие контрольная группа. В процентном соотношении количество положительных и отрицательных ответов испытуемых из контрольной группы и других участников не отличается и не влияет на сделанные нами выводы.

Исследование психологических и социолингвистических параметров в экспериментальных коммуникативных ситуациях показало, что потенциальная инвективность речевых актов будет выше, если 1) нарушены социальные нормы, принятые в данном обществе, 2) если оба участника коммуникативной ситуации имеют мотив оскорбить, 3) если оба участника коммуникативной ситуации ведут себя агрессивно, выражают отрицательные эмоции. Перечисленные признаки являются главными для создания инвективной

ситуации. Кроме этого, на увеличение степени инвективности диалога будет влиять характеристика испытуемых по полу, возрасту, социальной роли. Как показал эксперимент, в случае нарушения симметрии по всем этим параметрам наблюдается максимально высокая степень инвективности диалога, большое количество реципиентов заполнили пропуски негативными ответами.

В результате исследования экспериментальных данных мы выделили основные этапы интерпретации инвективной лексики, которые могут быть использованы в качестве основы для создания лингвистической диагностики инвективного слова.

1. Определение нарушения социальной нормы поведения.
2. Определение нарушения обязательных условий успешного употребления речевых актов.
3. Определение мотива через доминантное эмоциональное состояние участников коммуникативной ситуации.
4. Определение выраженного психологического состояния участников коммуникативной ситуации.
5. Определение лингвистических признаков функционирования инвективы (интонационные конструкции, эмоционально-оценочная лексика, повтор слов, языковые средства, усиливающие оскорбление, метафорические переносы).
6. Определение социолингвистических параметров участников коммуникативной ситуации: пол, возраст, социальная роль.
7. Определение характера употребления определенных слов в контексте.

Определение стабильных инвектив с помощью метода субъективного шкалирования.

Определение инвективного компонента ассоциативного значения методом ассоциативного эксперимента.

8. Вывод об общей степени инвективности контекста и характере использования инвективной лексики.

Первые шесть алгоритмических действий связаны с анализом непосредственно самого инвективного речевого акта, так как для определения наличия или отсутствия оскорбления необходимо дополнительное знание о мотиве и установлении факта нарушения социальной нормы. В рамках лингвистического исследования дополнительную информацию, позволяющую сделать вывод о присутствии или отсутствии вербального оскорбления, можно вычленивать из экстралингвистических условий инвективного речевого акта.

Алгоритмические действия № 7.1. и № 7.2. связаны с установлением степени инвективности отдельно представленного слова, не зависящего от других признаков. Однако, как показывает практика, признание определенного слова инвективным еще не свидетельствует о наличии оскорбления. Для определения степени инвективности анализируемого слова в контексте необходимо учитывать все параметры инвективизации контекста.

Данные, полученные по результатам исследования степени инвективности, могут быть использованы при установлении факта оскорбления в судебно-лингвистических экспертизах и в спорных текстах СМИ.

Разработанные понятия и предварительная методика определения степени инвективности слов создают основания для практической проработки заявленных положений и дальнейшего их совершенствования.

В перспективах исследования может быть рассмотрен более широкий класс инвективной лексики, включая слова разных частей речи, а также словосочетания и фразеологизмы. Кроме этого, в целях создания универсальной диагностики инвективного слова необходимо провести эксперименты в группах разного социального статуса, возраста и пола. Отсюда станет возможным представить суду и лингвистам-экспертам инструмент для разрешения дискуссионных проблем, связанных с защитой чести и деловой репутации человека.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Семенова Н.В. Деривационное функционирование мотивированных и немотивированных слов в тождественных контекстах (на материале

- эксперимента). Материалы конференции // Наука и образование: проблемы и перспективы (часть 2). Материалы региональной научно-практической конференции аспирантов, студентов и учащихся (14 апреля 2001 г.). – Бийск: Изд-во БПГУ, 2001. – 0,12 п.л.;
2. Семенова Н.В. Модус и диктум как факторы деривационного функционирования слова (на материале эксперимента). Материалы конференции // Филологический поиск: Материалы межвузовской научно-практической конференции студентов и аспирантов, посвященной Международному году гор. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002. – 0,14 п.л.;
 3. Семенова Н.В. Взгляд на проблему толерантности с точки зрения когнитивного, системного и функционального аспектов языка. Статья // Перспективы развития межрегионального образовательного пространства на базе гуманитарных кафедр российских университетов: Сб. мат. Всерос. науч.-практ. симпозиума. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 0,23 п.л.;
 4. Семенова Н.В. Степень семантического расстояния между единицами языка в зеркале ассоциативных полей. Статья // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты: Материалы II Международной научно-практической конференции (22-24 сентября 2004 г.). – В 2 т. – Бийск: Изд-во НИЦ БПГУ им. В.М. Шукшина, 2004. – 0,23 п.л.;
 5. Семенова Н.В. Специфика инвективы как средства репрезентации эмоции. Статья // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Выпуск 9. – М.: Изд-во ИЯ РАН, МГЭИ, 2005. – 0,27 п.л.;
 6. Семенова Н.В. Эмоция как особый структурирующий компонент речевой деятельности. Статья // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та; вып. 519. Языковое сознание и культура. Сер. Лингвистика. – М.: Изд-во Рема, 2005. – 0,25 п.л.;

7. Семенова Н.В. Инвективная лексика как объект психолингвистического исследования. Статья // Очерки гуманитарных исследований. Сборник научных трудов молодых ученых. Выпуск 3. – Барнаул: Изд-во Мастер Принт, 2005. – 0,5 п.л.;
8. Семенова Н.В. Психолингвистические принципы исследования инвективной лексики. Статья // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Вып. 11. – М.: Изд-во Рема, 2006. – 0,63 п.л.;
9. Семенова Н.В. Дискурс инвективного словоупотребления: сущность и проблемы изучения. Статья // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та; вып. 525. Языковое сознание и культура. Сер. Лингвистика. – М.: Изд-во Рема, 2006. – 0,21 п.л.;
10. Семенова Н.В. Инвектива как специфическое средство выражения эмоции. Материалы конференции // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности. XV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 30 мая – 2 июня 2006 г. – Калуга: Изд-во «Эйдос», 2006. – 0,13 п.л.
11. Семенова Н.В. О проблеме определения инвективности лексики. Статья // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Выпуск 12. – М.: Изд-во ИЯ РАН, МГЭИ, 2007. – 0,5 п.л.